

Пальмин Лиодор Иванович

**Собрание стихотворений Л.И.
Пальмина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Л60

Л60 **Лиодор Иванович П.**
Собрание стихотворений Л.И. Пальмина / Пальмин Лиодор Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 647 с.

ISBN 978-5-521-27158-0

ISBN 978-5-521-27158-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГОРКУША

(БЫЛЬ ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ)

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА).

Пѣснь первая.

I.

О, какъ въ младенчествѣ моемъ
Любилъ внимать я старой нянѣ,
Когда усѣвшись за чулкомъ
На старомъ дѣдовскомъ диванѣ,
Осеннимъ длиннымъ вечеркомъ,
Въ дрожащемъ блескѣ свѣчки сальной,
Она о давней старинѣ
Въ тиши рассказывала мнѣ,
Съ улыбкою полупечальной....
Осенній вѣтеръ завывалъ
Въ трубѣ таинственно-уныло
И, мнѣ казалось, дополнялъ,
Все то, что няня позабыла,
Преданья давней старины!
Какою чудной, тайной чарой

И до сихъ поръ еще полны
Они въ устахъ у няни старой!
Хоть я не изъ того числа,
Кто идеалъ свой видитъ въ прошломъ,
А современное все пошлымъ
Сплеча ругаетъ, но мила
Порой мнѣ старина родная,
И мнится мнѣ, что жизнь людская
Въ ней поэтичнѣе была:
Таинственность дышала всюду,
Во всемъ, вездѣ сквозило чудо
И вѣра тверже и сильнѣй
Была и въ небо и въ чертей;
Жилъ ближе человѣкъ къ природѣ,
Лѣса шумѣли на свободѣ.
Тамъ, гдѣ теперь, какъ безъ ума
Летятъ кареты въ клубахъ пыли,
И горизонтъ загроздили
Пятиэтажные дома...
Да, въ нашей жизни современной
Давно таинственности нѣтъ,
Впалъ въ скептицизмъ новѣйшій свѣтъ,
Въ немъ все теперь обыкновенно,
Какъ будто въ лавкѣ мелочной,
И, потерявъ кредитъ былой,
Самъ чертъ давно бѣжалъ изъ міра,
И мы не знаемъ гдѣ квартира,
Хоть ближнихъ шлемъ къ нему порой...
А въ бѣгствѣ спѣшномъ и упрямомъ
Онъ обронилъ какъ говорятъ,
Рога и хвостъ, и тотъ нарядъ
Сталъ украшеньемъ моднымъ самымъ:
Одно мужьямъ, другое дамамъ...

II.

И такъ вернемся къ старинѣ.
Одну изъ сказокъ старой няни
Здѣсь разсказать позвольте мнѣ.
Годовъ, промчавшихся въ туманѣ,
Она изъ всѣхъ другихъ лентѣй
Вдругъ ожила въ душѣ моей.
Въ столѣтьи прошломъ, въ половинѣ,
Поэмы этой жилъ герой,
Въ моей Украинѣ родной,
Извѣстный даже и по-нынѣ.
Онъ атаманъ былъ удалой:
Предъ грознымъ именемъ Горкуши
У многихъ трепетали души.
Есть про разбойниковъ у насъ
Пресимпатичныя преданья:
Какъ бѣднякамъ благодѣянья
Они творили и, подъ часъ,
Гонимыхъ, слабыхъ защищали;
Четамъ влюбленнымъ помогали
Бѣжать въ лѣса, въ полночный часъ,
Чтобъ цѣловаться на свободѣ,
И прочее въ подобномъ родѣ...
Горкуша идеальнѣй былъ
Изъ всѣхъ разбойниковъ подобныхъ.
Въ немъ не было стремленій злыхъ,
И онъ убійства не любилъ,
Лишь злыхъ каралъ, при томъ собою
Красивый, съ черной бородою
И съ яркимъ блескомъ жгучихъ глазъ,

Межъ дамъ онъ слылъ какъ ловелась,
Игралъ прекрасно на бандурѣ,
Что очень шло къ его фигурѣ,
И былъ разбойникъ до конца,
Воруя женскія сердца...

III.

Украина, страна золотая!
Люблю просторъ твоихъ степей,
Тамъ, гдѣ отчизна коренная
Русалокъ, лѣшихъ и чертей,
Гдѣ колыбель сказаній дивныхъ,
Отчизна сказокъ и чудесъ,
Гдѣ тьму проказъ выполнѣ наивныхъ
Творить на святкахъ пьяный бѣсъ;
Гдѣ вмѣстѣ съ дымомъ вѣдьма скачетъ
Верхомъ на помелѣ порой,
Гдѣ чертъ луну въ карманъ свой прячетъ,
Колдунья-жъ хрюкаетъ свиньей;
Гдѣ на Ивана на Купала
Кутить на славу сатана,
Гдѣ смачно такъ свиное сало
И гдѣ горилка такъ вкусна...
Но было время кровь рѣками
Вдоль по украинскимъ полямъ,
Дымясь подъ мертвыми тѣлами,
Струилась грозно здѣсь и тамъ,
И трупы пороны клевали...
Дымъ отъ спаленныхъ деревень
Мрачилъ кровь неба въ ясный день,
И грозно въ тьмѣ ночной пылали
На склонѣ сумрачныхъ небесъ,

Чуть озаряя темный лѣсъ,
Пожары заревомъ багровымъ,
То уніи была пора, —
Пора, когда въ волнахъ Днѣпра.
Съ безчеловѣчіемъ суровымъ
Жидовъ топили, какъ собакъ,
Ксендзовъ казаки распинали,
Ремни изъ кожи вырѣзали,
И съ грознымъ Гонтой Желѣзнякъ
Дѣтей объ камни разбивали...
Но эти дни давно прошли.
Поля бѣлѣвшія костями,
Травой высокой заросли
И золотистыми хлѣбами...
И лишь на пѣмать о быломъ,
Въ степяхъ, какъ будто великаны,
Встають могильные курганы,
Талъ въ величїи нѣмомъ
Прахъ славныхъ предковъ Украины,
Да пѣсня полная кручины,
Звучить изъ той эпохи намъ,
И, будто вторя ей порою,
Осенній вѣтеръ по холмамъ
Могильной шелеститъ травою,
И сквозь вѣка, отъ устъ къ устамъ,
Съ напѣвомъ пѣсни заунывной
Преданій ходитъ рой наивный.

IV.

Но духъ вражды давно остылъ.
И въ Запорожьи сѣча пала,
Когда Горгуша славный жилъ.

Тогда Украина отдыхала
Отъ битвъ кровавыхъ и рѣзни.
Исторіей на эти дни
Клеймо наложено другое:
Избытокъ гайдамацкихъ силъ,
Что въ тѣсныхъ рамкахъ міръ сдавилъ,
Искать исхода сталъ въ разбоѣ,
Въ разгульи дикомъ и хмѣльномъ,
И, правда, много было въ немъ
Особаго очарованья.
Скрываться въ сумракъ лѣсномъ,
Порой безъ крова и питанья,
Въ степи, въ оврагахъ ночевать,
Потомъ разгульно пропивать
Въ шинкѣ съ веселыми друзьями
Все, что награблено ножами,—
Такая жизнь была мила
Всѣмъ кто судьбою былъ обиженъ,
Кто притѣсненъ былъ иль приниженъ.
Свобода буйная влекла,
Порой, озлобленные души
Стать подъ знаменами Горкуши,
Чтобъ вылить огненную мечь,
Иль за поруганную честь,
Иль иногда за оскорбленье
Сжечь въ полночь, въ сумракъ ночномъ,
Врага заклятого палаты...
Къ тому-жъ соблазнъ былъ и въ другомъ:
Мѣха, оружье съ серебромъ,
Сафьяны, смушки, жемчугъ, золото,
А на блестящіе дукаты
Въ корчмѣ съ ватагой удалой
Купить хоть мигъ, но мигъ златой,

Мигъ наслажденья и забвенья...
И жизнь разгульную до дна,
Испить въ угарѣ опьяненья
Отъ дикой воли и вина...
Тамъ пѣсни удалыя пѣли,
И мало было имъ нужды,
Что темныхъ вистѣлицъ ряды
Вдали съ угрозою чернѣли,
Что пытка страшная ждала,
Тюрьма готовила объятья, —
Имъ жизнь минутою была,
Товарищи — семья и братья.

У.

Сынъ стѣчи былъ Горкуша самъ,
Беликодушень, смѣль и прямъ.
И съ благородными чертами. —
Вотъ какъ преданье передъ нами
Его рисуетъ; но панамъ
Вплоть отъ Умани до Полтавы
Его проказы и забавы
Вселяли несказанный страхъ.
Близъ Кіева злодійскій шляхъ
Извѣстенъ намъ еще доселѣ.
Тамъ гдѣ шумѣлъ Броварскій боръ,
Тамъ крылась шайка; съ дальнихъ горъ
Изъ-за-Днѣпра туда блестѣли,
Когда лазурь была свѣтла,
Печерской лапры купола
Святыми яркими глазами.
Тамъ нынѣ ровными полями
Локомотивъ бѣжитъ и нѣтъ

Разбойниковъ въ сожженомъ борѣ:
Но ждетъ за то другое горе—
Мерзѣйшей станціи буфетъ...
Да было, встарь не то, что нынѣ:
И на Руси и въ Украинѣ
Лѣса дремучіе росли.
Увы! въ романахъ знаменитый,
Лѣсъ Муромскій, давно забытый,
Весь въ печкахъ кухонныхъ сожгли,
На немъ варя горшки со щами,
А старый романтизмъ съ мечтами
Весь въ трубы съ дымомъ улетѣлъ...
Когда жъ повсюду боръ шумѣлъ,
Тогда другое было дѣло:
Разбойники гуляли смѣло,
И атаманъ бывалъ перазъ
Незваннымъ гостемъ въ поздній часъ,
Въ мохнатой шапкѣ и жупанѣ,
А, уходя, онъ вѣжливъ былъ
И, взявъ, что нужно, говорилъ:
Прощай! спасибо тобі пане!..
Межъ прочимъ слышалъ я, что разъ
Явился онъ въ полночный часъ
Къ одной помѣщицѣ. Извѣстность
Она имѣла бабы злой,
Слыва вокругъ на всю окрестность.
Сварливой, вздорною женой...
Подъ башмакомъ, гласить преданье,
Она держала муженька.—
И вотъ Горкуша приказанье
Даетъ—посѣчь ее слегка...
И такъ казаки „отчухрали“
Ее, что съ этихъ поръ она

Какъ агнецъ сдѣлалась скромна
И съ мужемъ ссорилась едвали...
А мужъ, блаженствуя, съ тѣхъ поръ
Благословлялъ Горкушу вѣчно...
Въ Москвѣ отъищется, конечно,
Теперь мужей не малый хоръ,
Которые вздохнуть въ кручинѣ,
Что больше нѣтъ Горкуши нынѣ...

VI.

Въ уѣздѣ Стародубскомъ жилъ
Одинъ панъ-сотникъ той порой
Съ прелестной молодой женою.
Въ разцвѣтѣ лѣтъ и юныхъ силъ
Она двадцатою весною
Какъ роза майская, цвѣла.
Его же маковка дила
Своею гладью мѣдно-красной
Солнцеобразный яркій свѣтъ,—
Онъ былъ пятидесяти лѣтъ.
На милой паночкѣ прекрасной
Не такъ давно женился онъ.
И былъ на старости влюбленъ;
Невѣсту-жъ, полную печали,
Съ нимъ противъ воли обвѣнчали:
Своимъ отцомъ была она
Ему за деньги продана.
Тогда другое было дѣло,
Чѣмъ нынѣ: барышни не смѣла
Имѣть въ замужествѣ выборъ свой,
Дѣвичьихъ слезъ потокъ живой
Сушилъ отецъ по Домострою,

Иль кулакомъ иль кочергою.
Эмансипація-жъ тогда,
Съ вопросомъ жевскаго труда,
Въ свѣтлицы дѣвъ не проникала
Изъ современнаго журнала.
Но было правиломъ въ тотъ вѣкъ,
Что женщина не человѣкъ,
А вещь, которой назначенье
Вѣкъ составлять собой имѣнье
Сперва родителя-отца,
Потомъ быть бабою при мужѣ...
Такое мнѣнье до конца
Панъ сотникъ раздѣлялъ; къ тому же
Ревнивъ онъ безконечно былъ
И подозрителенъ порою,
Какъ всѣ, кому надъ головою
Рога злой жребій насадилъ...
Какъ скряга золото въ подналѣ.
Оксану дома онъ хранилъ.
(Такъ пани сотничиху звали).
Оксаны мастерской портретъ
Нарисовать я здѣсь не въ силахъ..
Нѣтъ, у меня таланта нѣтъ—
Ея очей волшебнo милыхъ
Здѣсь передать весь томный свѣтъ,
Улыбку, стана очертанья
И, сотворенныхъ для лобзанья,
Прелестныхъ губъ живой привѣтъ...
Вотъ потому, для оправданья,
Я у читательницъ моихъ
Прошу чтобъ каждая изъ нихъ
Въ чертахъ моей Оксаны милой
Свое лицо вообразила,